

УНА ХАРТ
ХОЗЯЙКА
ШВАРЦВАЛЬДА

INSPIRIA

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х22

Иллюстрация на обложке — *Meethos*

Иллюстрации на форзаце, нахзаце, в тексте *Марии Вой*

Дизайн переплета *Кати Тинмей*

Иллюстрация на обложке вдохновлена творчеством
нидерландского живописца и графика
Питера Брейгеля-старшего

Саундтрек для книги *Даниила Богословского*

Харт, Уна.

Х22 Хозяйка Шварцвальда / Уна Харт. — Москва : Эксмо, 2023. — 448 с.

ISBN 978-5-04-175994-0

Германия, 21 декабря 1601 года.

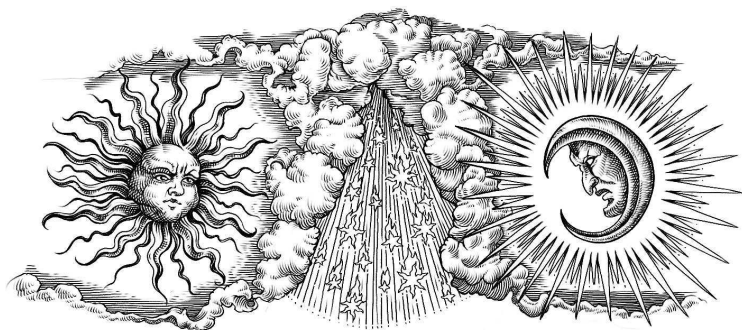
В городе Оффенбурге народ собирается на площади в предвкушении казни. Эльзу Гвиннер, жену пекаря, признали виновной в колдовстве, и теперь ее ждет костер. Но что будет с ее семилетней дочерью, из-за признания которой осудили Эльзу? Отправится ли она тоже в огонь?

Нет, если ее заметил Кристоф Вагнер, ученик доктора Фауста, колдун, продавший душу дьяволу. Он страстно желает передать кому-нибудь драгоценные знания своего учителя. А кто лучше подойдет на эту роль, чем девочка, от которой все отвернулись, малолетняя ведьма и преступница, предавшая свою мать?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-175994-0

© Харт У., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Часть 1

ГЛАВА 1

1601 ГОД, ОФФЕНБУРГ

Эта история началась с пламени.

В те времена огонь еще не успел стать обычным инструментом в руках людей мстительных и алчных. Небеса над

Бамбергом и Фульдой еще не посерели от дыма, а улицы не утонули в криках истязаемых ведьм. На главной площади славного города Оффенбурга казни тоже происходили не чаще пары раз в год, поэтому народ начал собираться уже с рассветом, чтобы не упустить редкое зрелище. Поглазеть на последние часы жизни Эльзы Гвиннер хоте-

лось всем: и прачкам, и белошвейкам, и мясникам с Метцгерштрассе, и дубильщикам с Герберштрассе.

Когда на парапете ратуши вывесили алые полотнища, горожане оживились. Это был знак, что вскоре Эльза выйдет из дверей в сопровождении чиновников и капелланов и начнет свой скорбный путь к месту казни. На дворе стояло свежее декабрьское утро. Иные говорили, что уйти из жизни в такой погожий денек, когда на небе ни облачка, — настоящее божье благословение. В прохладном воздухе витали запахи чесночных колбасок и квашеной капусты. Предвку-

шение интересного зрелища всегда пробуждает зверский аппетит.

Одну из первых здешних ведьм сожгли четыре года назад, и среди нынешних зрителей многие при этом присутствовали. Эльза Гвиннер приходилась дочерью казненной, но провинилась она не этим родством. Истинная причина, по которой бедняжка должна была вынести столько мучений и отправиться в мир иной, заключалась в ее отце, почтеннейшем члене городского совета Георге Лауббахе. Он, к слову, не пришел проводить Эльзу в последний путь. Сказался больным, к чему все отнеслись с сочувствием. Георг понимал, что проиграл, тогда как его злейший враг — Рупрехт Зильберрад, известный интриган и главный охотник на ведьм во всем Ортенау — одержал сокрушительную победу.

В отличие от своего соперника, Рупрехт явился на площадь при полном параде. Золотая нить на щегольском дублете, скроенном по французской моде, сверкала в лучах солнца, а большое белоснежное перо на шляпе трепетало на ветру, как шелковый платок придворной красотки.

Зильберрад был по натуре человеком скверного нрава и слыл неумолимым с теми, кто встал у него на пути. Но сам себя он считал мягкотелым, поскольку добился казни лишь одного из отпрысков своего врага. Оставались еще двое, не говоря уже о малолетней дочери Эльзы Гвиннер, которую совет решил помиловать ввиду ее невинного возраста.

— Если говорить начистоту, друг мой, — втолковывал Рупрехт своему спутнику, пока конь под ним нетерпеливо переминался с ноги на ногу, всхрапывая и выпуская из ноздрей облачка белого пара, — я готов побиться об заклад, что не пройдет и пары лет, как эта соплячка последует примеру своей матушки. Известно ведь, что всякая ведьма передает

мастерство дочерям... Но я подожду. Терпение — вот главная добродетель мудрого человека.

Кристоф Вагнер, человек ни в коем случае не добродетельный, не приходился Рупрехту ни другом, ни приятелем. В это декабрьское утро у него было плохое настроение, но не только по причине раннего подъема, пропущенного завтрака и холода, от которого не спасал даже подбитый мехом плащ. Просто, так же как смерть Эльзы символизировала торжество Рупрехта Зильберрада, для Кристофа Вагнера она означала его полное бессилие. Хотя знали об этом, по счастью, лишь он сам да его черный конь.

Кристоф Вагнер терпеть не мог тюрьмы. По этим зловонным каменным клеткам бегали такие жирные крысы, что их хватило бы на несколько сытных ужинов — если бы у заключенных, конечно, нашлось довольно проворства и смелости, чтобы изловить грызунов размером с кошку. Смирившись с тем, что сапоги безвозвратно испорчены сточными водами, Кристоф вышагивал меж промерзших камер, а следом за ним бежал громадный черный пес. Любой, кто видел эту тварь, выложил бы кругленькую сумму, дабы узнать, что за псарня поставляет таких зверюг. Кристоф на все вопросы отвечал, что так удачно оценилась сука его сердечного друга из Нюрнберга, по нраву сатана во плоти. Но вот горе, спустя месяц собаку задрал дикий кабан во время охоты, так что больше таких щенков не сыскать.

Когда не было нужды притворяться, хозяин говорил с псом открыто. Он величал его Ауэрханом, а иногда — шелудивым ничтожеством, в зависимости от настроения. Но в этот день Кристоф Вагнер был неразговорчив. Они с Ауэрханом остановились у двери с тяжелым засовом. Перед тем

как войти, Кристоф заложил руки за спину и нахмурил брови — выражение, которое придавало его слащавому лицу больше жеманности, чем задумчивости. Он покачался на пятках и бросил на пса недовольный взгляд.

— Вот, друг мой, мы и здесь.

Пес ответил ему широким зубастым зевком.

— Я слышал, что в Нюрнберге заключенные перед казнью могут истребовать любое лакомство, а надзиратель с супругой садятся рядом и любят, как бедный грешник в последний раз в своей никчемной жизни набивает пузо. Как думаешь, чего попросила наша пташка?

Ауэрхан этого не знал. А если бы и знал, то никак не мог ответить хозяину, поскольку был занят другим делом. Молниеносный бросок — и в пасти его забился толстый хвостатый пасюк. Кристоф, пропустивший в этот день завтрак, хотел было приказать псу выплюнуть эту гадость, но было поздно: захрустели кости, и на камни брызнула кровь.

— Ну хоть кто-то из нас будет сыт, — брезгливо заметил Кристоф и толкнул дверь в камеру так, словно она и вовсе не была заперта.

Внутри царил холод, но палач позаботился о том, чтобы заключенной принесли шерстяные одеяла и теплую одежду. Ее последняя ночь должна была пройти без лишних страданий. Мейстер Ганс хорошо знал свое дело. После вывихнутых на страппадо плеч и тисков для пальцев дознавателю наверняка стоило немалых трудов вернуть Эльзе Гвиннер человеческий облик.

Несмотря на все усилия сердобольного палача, бедняжка сильно замерзла и дрожала в своем углу на матрасе, набитом свежей соломой. Перед ней на полу стояли миска с копченой ветчиной и глиняный кувшин, доверху наполненный вином. Когда в камеру вошел человек, Эльза, должно быть, решила, что это заплечных дел мастер явился забрать ее на

«кровавый суд» — вынесение приговора в ратуше. В ее глазах метнулись ужас и облегчение, знакомые лишь человеку, перенесшему очень много боли.

Кристоф никогда не видел Эльзу до того, как она попала в руки городскому совету. Он мог только представить себе, глядя на изящный рот и большие темные глаза, что когда-то она слыла миловидной. Теперь же перед ним была лишь тень человека. Волосы Эльзы были острижены, и сквозь оставшиеся жалкие клочки просвечивала кожа головы.

Кристоф стянул с руки перчатку, наклонился, наполнил чашу вином и протянул Эльзе. Женщина сидела оцепенев, не в силах даже отказать. Тогда гость вздохнул, сделал большой глоток и выплеснул остаток вина прямо на земляной пол.

— Что за паршивое пойло! Владелец виноградника должен отрубить себе руку за подобный урожай.

— Кто вы такой? — Голос Эльзы звучал так слабо, что Кристоф скорее угадал, чем услышал ее вопрос. Женщина перевела испуганный взгляд на гигантского пса и снова на его хозяина.

— Мое имя ничего вам не скажет, фрау Гвиннер. Говорят, в начале декабря вы признались, что сношались с самим дьяволом...

— Это не так.

— А потом забрали свои слова назад.

Эльза Гвиннер резко втянула воздух сквозь стиснутые зубы, словно испытывала боль от одного лишь воспоминания. Ее арестовали по обвинению в ведовстве тридцать первого октября, сразу после того как под стражу взяли сестер. Позже их освободили за недостатком улик, но в остальном удача отвернулась от семьи, в особенности от Эльзы.

Несмотря на внешнюю хрупкость, молодая женщина поразила городской совет своей стойкостью. Во время пыток она раз за разом повторяла: «Отец Небесный, прости им, ибо

не ведают, что творят», и даже палач, в чьих искусных руках побывало много подлецов и лихоимцев, выказал ей уважение. Но в одном Эльза ошибалась: совет прекрасно знал, что творил. Отчаявшись добиться от жертвы признания с помощью тисков и strapпaдо, ее враги прибегли к последней мере — привлекли в качестве свидетеля ее семилетнюю дочь Агату. Единственная порка едва не вышибла из девочки дух и легко вытряхнула из нее свидетельство против родной матери.

Кристоф поцокал языком, разглядывая лицо Эльзы, на котором даже накануне казни сохранилось непримиримое выражение. Именно эти сжатые зубы и блестящие глаза наверняка выводили из себя Рупрехта Зильберрада.

— Я слышал, совет решил помиловать вашу дочь.

— Она мне не дочь, — выплюнула фрау Гвиннер. Такие вещи частенько говорят в сердцах, но Эльза хорошо обдумала свои слова. — Моя дочь никогда не оклеветала бы родную мать даже под пытками.

— «Кто злословит отца своего или свою мать, того должно предать смерти», — согласился Кристоф, но только потому, что на ум пришла подходящая случаю цитата. — Жаль, фрау Гвиннер, что у вас отняли возможность завести еще детей и воспитать их как следует, чтобы они были достойны вас.

Вероятно, эти слова незнакомца вызвали во рту Эльзы горечь, потому что она наполнила свою чашу и осушила ее одним глотком, морщась от кислоты. Допив вино, обтерла потрескавшиеся губы рукавом шерстяного платья и спросила уже спокойно, без надрыва:

— Зачем вы явились?

Кристоф развязно улыбнулся:

— Вы поразили меня мужеством и твердостью в вере, фрау Гвиннер. Поэтому я хочу дать вам возможность сохранить жизнь.

В упрямом взгляде узницы мелькнула надежда. Эта переломанная, искалеченная молодая женщина, обреченная на мучительнейшую из казней, хотела жить и ухватилась за обещание Кристофа, как утопающий за соломинку. Она подалась вперед, не обращая внимания на холод в камере и на то, что одеяло соскользнуло с худых плеч.

— Вас прислал мой отец? Меня помиловали?

Пес, который до того сладострастно вычесывался в углу камеры, издал странный звук, как будто подавился. Со стороны могло показаться, что он смеется. Кристоф вздохнул:

— Боюсь, что нет, моя дорогая. Пока — нет. Но будьте покойны, после того как мы с вами закончим, вас не просто помилуют, вас вынесут из этого смрадного дома скорби на руках. Позже вы сможете отомстить всем своим обидчикам.

Но месть Эльзу не заинтересовала, и Кристофа Вагнера это даже несколько раздосадовало. По его скромному мнению, такая возможность придала бы освобождению пикантный привкус. Впрочем, убедить фрау Гвиннер в том, что расправа над Зильберрадом не лишена приятности, он еще успеет. Пленница тем временем переводила нетерпеливый взгляд с него на приоткрытую дверь камеры и наконец не выдержала:

— Господь с вами, что вы от меня хотите? Явились по указке совета подразнить меня в последний раз? Тогда вы будете гореть в аду!

— О! — Кристоф как-то разом воспрял духом и оживился. Он налил себе вина и сделал несколько шагов по тесной клетушке, не выпуская из рук наполненной чаши и сокрушаясь про себя, что превратить в толковое вино эту бурду куда труднее, чем простую воду. — Тут вы не ошиблись, милая фрау. Мне, без всяких сомнений, уготована геенна огненная, но причиной тому будет отнюдь не этот визит.

Более того, я искренне полагаю, что совершаю благое деяние, ибо воздастся каждому по делам его.

Он остановился у крошечного оконца. Отсюда открывался вид на городскую площадь, где помощники палача уже складывали костер.

— Так что я должна сделать для своего освобождения?

Он медленно повернулся к ней, и в глазах заключенной отразился ужас: она поняла, что именно от нее требуется. Кристоф Вагнер не держал в руках тисков и не истязал плоть Эльзы, но слова его вонзились в ее разум, причиняя куда бóльшие страдания, чем руки мейстера Ганса.

— Суший пустяк, дорогая фрау. Мой друг, — он кивнул на пса, — избавит вас от казни, но взамен кое-что потребует, так уж заведено у их брата. Однако вы ничего не потеряете, поскольку уже отреклись от кровного родства. В обмен на свободу вы должны отдать Ауэрхану свою дочь Агату.

Эльза ушла не дослушав. Нет, она не встала на ноги и не покинула камеру, но глаза ее потухли, словно дух оставил тело и унесся прочь. Фрау Гвиннер, пережившая полтора месяца пыток, чья казнь была назначена за четыре дня до Рождества Христова, не желала слушать мерзостей в последние часы своей жизни. Она не отреклась от Бога, даже когда ее тело превратилось в кровавый мешок, не отречется и теперь. А отдать дьяволу свою плоть и кровь означало пойти против божественного закона. Все это Кристоф прочитал на ее лице, и эта неуступчивость разожгла в нем гнев.

Он наклонился к Эльзе так резко, что женщина отшатнулась.

— Слушай сюда, Эльза Гвиннер! На городской площади уже сложили дрова для костра. Твой муж Мартин подкупил палача, чтобы тот задушил тебя перед казнью шелковым шнурком, но Зильберрад дал мейстеру вдвое больше серебра, поэтому твои крики все же долетят до ушей твоего му-

женька и никчемного папаша. Ты уже доказала свою праведность, и это ничем не помогло. Так докажи теперь, что у тебя есть хребет!

Медленно, точно глаза перестали ей повиноваться, Эльза подняла на него взгляд. Мгновение она рассматривала лицо Кристофа перед тем, как плюнуть в него и размахисто перекреститься, сжав в руке кипарисовые четки, что передали ей от Мартина.

Кристоф выдохнул и выпрямился. Достал из кармана дублета белый платок и насухо вытер щеку. В приступе раздражения он пнул глиняный кувшин, и вино выплеснулось на земляной пол. Многие преступники перед казнью осушают свои кувшины до капли, чтобы опьянение помогло им справиться с предстоящей болью. Так пускай у этой дряни не будет такой возможности! Морщась от негодования, Кристоф коротко бросил ей на прощание: «Дура» — и покинул камеру.

Следом за ним засеменял черный пес, высматривая очередную крысу.

Ближе к полудню хрустальный предрождественский воздух Оффенбурга всколыхнул колокольный звон из церкви Святого Креста. Он взволновал толпу, которую едва сдерживала дюжина вооруженных стражников. Когда Эльза Гвиннер в слепяще-белом одеянии появилась на пороге ратуши в сопровождении двух капелланов и палача, народ внезапно притих. Даже опьяневшая молодежь присмирела и оборвала скабрезную песенку, не закончив куплет.

Эльза была слаба, поэтому помощники палача несли ее на стуле до самого места казни. Удивительное дело: ни новая легконогая лошадка судьи, ехавшего перед Эльзой, ни его

богатый наряд не привлекали столько внимания, сколько обыкновенная измученная женщина. Фрау Гвиннер горячо молилась всю дорогу до площади, где, сойдя со своего импровизированного трона, смиренно отдалась в руки палача. Когда мейстер Ганс усаживал ее среди бушелей соломы и вешал ей на шею тщательно просмоленные венки, она пообещала замолвить за него словечко перед Господом. Мейстеру это понравилось, он тепло поблагодарил Эльзу и сунул ей в руки деревянное распятие, что передала ему жена.

Первой занялась солома. Ветер в тот день дул так сильно, что ее пришлось прибить кольями к земле, иначе полыхающие стебли разлетелись бы по всему городу. Народ ждал. Так маленькие дети подслушивают, как рожают их матери, испытывая смутное щекотное чувство в животе — смесь ужаса и постыдного удовольствия, названия которой человек еще не придумал.

Но в тот день зеваки и господин Рупрехт Зильберрад не получили желаемого. Эльза умерла за мгновение до того, как первые искры коснулись белоснежной рубахи. Так распорядился высокий человек, что подошел к заплечных дел мастеру прямо у ратуши, пока женщине выносили окончательный приговор. Мейстер Ганс никак не ждал, что перед ним словно из-под земли вырастет некто с восковой кожей и очень крупными острыми зубами. Незнакомец представился Ауэрханом, вручил палачу плотно набитый мешочек и велел все-таки задушить ведьму перед сожжением.

Признаться, эта просьба пришлась мейстеру по душе — ему не хотелось, чтобы Эльза мучилась. А потому, затягивая шнурок на тонкой шее, он испытал глубокую и искреннюю радость от хорошо проделанной работы.

ГЛАВА 2

Сожжение Эльзы Гвиннер стало приятным преддверием Рождества, наступившего спустя четыре дня. Казнь придала празднику своего рода завершенность. Ратушу украсили

венками, а на городской площади вместо ко-стра теперь шло представление: актеры изо-бражали изгнание Адама и Евы из рая. Пра-отец и прамастьер были слегка под хмельком, но так было даже интереснее. Благодарные зрители гоготали и требовали, чтобы Ева разоблачилась, как того требует Эдемский сад. Хорошенькая фройляйн, раздумывая

на морозе, прижимала к себе тряпичную змею-искусителя с глазками-пуговками и скромно протягивала «Адаму» сморщенное яблоко.

Кристоф Вагнер велел Ауэрхану отсыпать актерам серебра. Несмотря на недавнее разочарование, он был полон радостного нетерпения. Вагнер никогда не ждал чудес, но доверял своему чутью. А потому, получив в последнее воскресенье адвента приглашение от одного из членов совета, герра Фалька, отметить Рождество в кругу его семьи, он велел Ауэрхану немедля ответить согласием. Обычно Кристоф Вагнер проводил праздничную ночь в окружении привлекательных шлюх и томных юношей, готовых

разделить с ним страсть к вину и дебошам. Но если старого демона и удивила нынешняя прихоть господина, то виду он не подал.

В гости к Фальку Кристоф собирался с особым тщанием. Он знал, что хорош собой, пусть в нем и не было той мужественной привлекательности, которой кичатся богатые юнцы, не обделенные вниманием женщин. Во внешности Кристофа сквозило скорее что-то манерное и развязное. В его повадках было больше женского, чем мужского, но самого Кристофа это ничуть не смущало. Более того, стоило ему заметить, что кому-то не по душе его ужимки, как он принимался ёрничать и кривляться еще сильнее, доводя собеседника до бешенства. Несмотря на это, многие стремились назвать себя его приятелями, еще ничего о нем не зная. Он же охотно величал друзьями всех подряд, отчего сразу становилось ясно, что настоящих друзей у него нет.

Никто, кроме Ауэрхана, не знал, сколько лет Кристофу Вагнеру, но по виду ему можно было дать не более тридцати. В его темных волосах еще не появилась седина, а в осанке — усталость, свойственная почтенным бюргерам. Скулы его были остры и выразительны, а брови — черны и надменны. Никто не поверил бы, что Вагнер помнит Реформацию, которая разгорелась на германских землях почти шестьдесят лет назад. Скажи он это, ему ответили бы с лукавым смешком: «О, мой дорогой друг, тогда вы должны быть совсем дряхлым стариком, если, конечно, не продали душу дьяволу за вечную молодость!»

Разумеется, Кристоф Вагнер продал душу дьяволу — но не за одну только кожу без единой морщинки или отсутствие старческой поволоки на глазах. Большинству и того было бы довольно: за вечную молодость люди готовы нафаршировать головы собственных детей лесными ягодами и подать их Сатане на обеденный стол. Однако Кристофу за

меньшую цену удалось получить гораздо больше. За долгие годы и власть, и богатство потеряли для него вкус, сделались не ценнее покрытой патиной монеты, но он относился к этому философски: гораздо лучше, рассуждал он, обладать богатством, властью и красотой и оставаться к ним равнодушным, нежели не обладать ими вовсе.

В этот сочельник приподнятое настроение Кристофа вместо обычной апатии так обрадовало Ауэрхана, что демон расстарался на славу. Бархатный камзол глубокого винного цвета, сшитый по последней моде, лоснился, точно лошадиная шкура. Манжеты и ворот украшало голландское кружево. Ботфорты на высоком каблуке плотно облегли ноги. Кристоф оценил наряд.

Дом герра Фалька находился недалеко от знаменитого трактира «Солнце». Большую часть просторной гостиной занимала разлапистая пихта, привезенная несколько дней назад из Шварцвальда и не успевшая еще высохнуть и осыпаться. Обычные горожане не устанавливали в домах срубленные деревья — обходились тем, что стоит в ратуше. Невероятный запах жареного мяса и лесной свежести кружил гостям головы. Приветливая фрау Фальк встречала пришедших у порога и угощала их горячим глювайном с зубчиками гвоздики и звездочками аниса.

В доме Фальков было так натоплено, что лица присутствующих покраснели, а на висках выступили капельки пота. Кристофу это понравилось: он обожал жару, которая для иных казалась мучительной. Понравилась ему и пихта, от пола до потолка украшенная финиками и крендельками, орехами и бумажными цветами. Вино его развеселило, и он сделался разговорчивым и обаятельным.

По случаю завершения поста на стол выставили все самое лучшее: колбасы, вино, ягненка, запеченного с кориандром, квашеную капусту, соленую сельдь и ветчину, копченую

на пихтовых опилках... Славное выходило разговение. Кристоф достал из чехла на талии серебряную ложку, попробовал подливку и рассыпался в комплиментах хозяйке.

Зильберрад тоже явился в компании очаровательной жены Эммы, которая была значительно моложе мужа, а из-за небольшого роста и располагающего круглого лица и подавно походила на ребенка. Эмма, уже заметно в тягости, много улыбалась, поддерживая жизнерадостную болтовню с хозяйкой дома. Рупрехт же сиял, как бок натертой до блеска супницы. Ему уже сообщили, что с его соперником Лауббахом после казни дочери случился удар и теперь он даже с кровати встать не может. Кристоф слушал без любопытства. Дрязги членов местного совета не представляли для него интереса.

В остальном он был доволен. Ужин портила лишь орава детей, игравших в салки вокруг стола. Нянька безуспешно пыталась поймать озорников, но в ответ на грозные взгляды госпожи Фальк только разводила руками. Пригрозила было им Крампусом с его громадным мешком, но тут уже господин Фальк так рывкнул на бедную женщину, что та споткнулась. Кристоф мягко засмеялся, встал, отодвинув стул, и подошел к детям.

— Полно вам, — мурлыкнул он, улыбнувшись и присев перед младшими Фальками: двумя девочками и мальчиком. — Даже малые дети знают, что Крампуса не встретишь после Дня святого Николая.

Он переводил взгляд с одного ребенка на другого, решая, какой из них ему менее противен. Смущенная госпожа Фальк рассыпалась в извинениях и хотела было отвести детей наверх, но Кристоф остановил ее решительным жестом.

— Я знаю, чем вас занять. Небось ждете подарков?

Маленькие алчные глазки загорелись. Разумеется, родители уже наградили их всякой чепухой вроде засахаренного печенья и яблок, но взгляд Кристофа обещал нечто большее.

Кивком он подозвал Ауэрхана, который словно из воздуха извлек три деревянные коробки, обвязанные лентами. Жадные ручонки нетерпеливо сорвали ленты, нырнули внутрь и извлекли на свет небывалой красоты игрушки. У мальчика в руках оказались разукрашенный рыцарь на лошади, английские собачки и всякое оружие. Девочкам достались куклы в атласных платьях с модными гофрированными воротниками.

— Где же вы взяли такую красоту? — выдохнула фрау Фальк, всплеснув руками.

— Один из моих добрых друзей держит кукольную мастерскую в Нюрнберге.

Как и ожидал Кристоф, дети, получив игрушки, согласились немедленно оставить взрослых в покое. Стоило стихнуть их воплям, как разговор за столом перешел на серьезные темы. Обсудили недавнюю казнь и судьбу двух сестер Эльзы, которые остались на свободе. Кристоф отметил, что, едва зашел разговор о ведьмах, Эмма Зильберрад вмиг утратила свою живость, присмирела и сделала вид, что интересуется только десертом.

— Как же меня пугают все эти разговоры, — наконец призналась она. — Кто бы мог подумать, что ведьм так много в тихих местечках, подобных нашему!

— Полагаю, дьяволу все равно, куда отправлять своих слуг, — заметил Рупрехт Зильберрад и сжал ее маленькую ручку. Такое проявление нежности удивило Кристофа.

Незаметно для самой себя фрау Фальк, которую перестали терзать дети, опьянела, и язык у нее развязался. Она принялась загибать пальцы:

— В ноябре обезглавили эту бедняжку Марию, прими Господь ее душу, а год назад была история с женой трактирщика... Как, бишь, ее звали...

— Рокенбах. Кристина Рокенбах, — подсказал Зильберрад.

— О да, точно! — невесть чему обрадовалась захмелевшая фрау Фальк.

Эта радость была так неуместна, что ее муж неловко откашлялся, а Эмма возразила:

— Кристина созналась в своих злодеяниях и была отпущена на свободу, ибо правдой прогнала демона из своего разума.

Почему-то эти слова окончательно привели фрау Фальк в возбуждение, вместо того чтобы успокоить. Глядя на нее, Кристоф был готов решить, что кто-то из мелких чертенят развлекается, вытаскивая из нее все новые и новые подробности, смущавшие гостей.

— Это и есть самое удивительное! — воскликнула она и повернулась к мужу: — Ты ведь говорил, что эта ведьма даже назвала своего демона по имени... *Штумм-пфэффлин*, или как его там.

За столом внезапно воцарилось молчание. Герр Фальк метнул испуганный взгляд на Зильберрада, лицо которого оставалось совершенно непроницаемым.

— Дорогая, — пробормотал он, — пожалуйста, не нужно упоминать такие вещи за столом.

— А она точно говорила о демоне, а не подавилась случайно? — не удержался Кристоф. Это был вопрос, который искренне волновал его, хотя ответ был очевиден: если кто-то называет имя во время пыток, неудивительно, что звучит оно несколько неразборчиво. Но его слова разрядили обстановку: гости неуверенно засмеялись, и усмехнулся даже судья, который во время этого неуклюжего разговора совершенно не знал, как реагировать.

Не улыбался только Зильберрад.

— Вам это кажется смешным, герр Вагнер? — прохладно уточнил он, отправляя себе в рот маленький кусочек мяса. — Потешаетесь над слугами дьявола?

Смех гостей резко оборвался. Никому не хотелось перебегать дорогу главному охотнику на ведьм в Ортенау. Кристоф беззаботно откинулся на стуле, сложив руки перед собой и склонив голову набок. Он чувствовал страх присутствующих так же, как ощущал его Рупрехт.

— Ну разумеется, друг мой. Ничто не может смутить князя тьмы больше, чем смех. Больше всего на свете он не любит, когда над ним потешаются. Расскажу вам одну историю, которую поведал мой хороший приятель, ныне покойный. Сразу скажу, она может быть несколько солона для дамской компании.

Фрау Фальк кокетливо улыбнулась и хихикнула, прикрыв рот рукой. Зильберрад заинтересованно поднял густые черные брови и вместо вина налил себе воды.

— Как-то раз в Магдебурге у одного человека умер ребенок. После его смерти под крышей несчастного родителя то и дело раздавался детский плач, столь отчаянный и горький, что у всех живущих в доме сердце уходило в пятки...

Очень кстати за окном завывала и закрутилась белоснежными вихрями метель. Гости вздрогнули и поежились от удовольствия: мало что может украсить рождественскую ночь так, как страшная история.

— Тогда этот человек решил, что несчастная душа не может попасть в рай, пребывая в чистилище, и необходимо денно и ночью молиться, дабы она разрешилась от греха. А своим плачем ребенок давал родным понять, что он страдает.

— Разумно, — отметил судья, поглядывая на Зильберрада.

— Но мой товарищ, проповедник, заверил отца, что все это чушь собачья, — ровным голосом продолжил Кристоф. — Сказал, что это не их ребенок посылает весточку с того света, а сам враг рода человеческого насмехается над чужим горем. Он велел им, услышав плач, всячески

высмеивать дьявола в ответ, и чем язвительнее будут их шутки, тем лучше. Когда Сатана понял, что его раскусили, то стал придумывать иные способы изводить домочадцев. Явился к одному из гостей дома и всю ночь стягивал с него одеяло. А как-то раз возник у хозяйки на кровати под видом полчища мерзких крыс. Сколько бы она их ни стряхивала, крысы не уходили. Тогда эта находчивая фрау высунула свой culus и испустила ветры, крикнув при этом: «Смотри, дьявол, вот и посох для тебя. Возьми же его и отправляйся в паломничество к своему идолу!» Таким образом Сатана был посрамлен и оставил сей дом, *quia est superbus spiritus et non potest ferre contemptum sui!**

Когда Кристоф закончил свою историю, за столом хохотали все, кроме Эммы. Громче всех фрау Фальк, успевшая за время рассказа пригубить еще вина. Даже Зильберрад посмеялся благодушно, но фальшиво. Кристоф считал, что мужчины с такими кислыми лицами ни на что не годны в постели, но решил поделиться своими взглядами с Рупрехтом позже. Как представится случай.

— Этот ваш друг был католиком? — уточнил он.

— Лютеранином. Но весьма порядочным, надо сказать.

«Интересно, — подумал Кристоф, — как бы они оценили шутку, если бы знали продолжение фразы, которую произнесла та храбрая женщина, обращаясь к дьяволу». «Смотри, — на самом деле сказала она, — вот и посох для тебя. Возьми же его и отправляйся в паломничество к своему идолу, папе римскому. Отпусти-ка у него грехи!» Историю эту он услышал от доктора Лютера, мастера по части всяческих юморесок. Не чета унылым папистам... Конечно, наивно с его стороны было думать, будто Сатана отступит перед голым задом. Но он оценил бы шутку!

* «Ибо он — гордый дух и не может выносить презрения» (лат.).

Ночь плавно перетекала в то время, когда одни гости слишком опьянели, другие впали в сонную апатию, а третьи — в нездоровое оживление. Не зная, к какой из компаний примкнуть, Кристоф решил, что будет с него на сегодня постных физиономий. Он незаметно подал Ауэрхану знак, чтобы тот принес его плащ, и краем глаза отметил, что Зильберрад тоже послал слугу за верхним платьем. Холодные глаза Рупрехта были совершенно трезвы и стеклянны, а взгляд неподвижен, как у хищника. А ведь ночка могла бы выдаться не такой уж скучной...

Внезапно раздался грохот, и с лестницы кубарем слетели трое маленьких ублюдков, коих он совсем недавно одарил игрушками, достойными детей герцогини Саксонской. Лица у всех троих были зареванными и пунцовыми, рты уродливо раззявлены. Перебивая друг друга, они втолковывали что-то своей матушке, растерянной и хмурой после выпитого.

— Не тараторьте! — прикрикнула она. — Я ничего не могу разобрать! Марта, что стряслось?

Задыхаясь от слез, одна из девочек выдавила из себя:

— Она бросила наших кукол в огонь... прямо в печь! Сказала, что мы тоже будем гореть, как ее матушка! Я своими ушами слышала! Все сожгла: и куколок, и собачек, и платяица...

Кристоф замер, не застегнув плащ. Зильберрад тоже.

— Вот я задам этой твари! Мало ей было! — рыкнул хозяин дома, но, поднявшись, едва не рухнул прямо на столешницу. Покачнулся и не сразу обрел шаткое равновесие.

— Позвольте, о ком идет речь? — полюбопытствовал Кристоф у фрау Фальк.

Она покусала губы. Взгляд забегал по комнате. Видно было, что ей не хочется говорить. По задержавшимся гостям сразу можно было прочесть, кто в курсе происходящего, а кто нет. Судья сухо откашлялся и наморщил лоб:

— Полагаю, они говорят о малолетней Агате Гвиннер.

Зильберрад был абсолютно неподвижен, только желваки на челюстях напряглись. Заметив это, Эмма осторожно коснулась локтя мужа, и он отмер, даже сумел накрыть ее ладонь своей.

— Разве Агата Гвиннер не заперта в карцере? — уточнил он голосом таким ровным, что восхитил даже Кристофа. Вопрос был адресован судье — человеку влиятельному и твердому, который под взглядом Зильберрада робел, как пес при виде кнута.

— Суд принял решение освободить ее из тюрьмы и оставить на попечении совета, — прозвучало это нерешительно, будто судья сам сомневался в верности приговора. — До Рождества ее было некуда деть. Господин и госпожа Фальк любезно согласились присмотреть за ней, пока мы не решим, каким образом отправить ее в ссылку.

— Вот как?

За этим загадочным «вот как» могло прятаться все, что угодно. Ясно было одно: хотя Зильберраду была безразлична судьба семилетней Агаты, ему не понравилось, что его не поставили в известность о переменах.

— Это ведь та самая девочка, которая заявила, что мать ее сношалась с дьяволом? — вежливо уточнил Кристоф. Получив в качестве ответа сухой кивок от Рупрехта, он ожил: — Я хочу на нее посмотреть!

Не успели хозяева дома его остановить, как он вцепился обеими руками в плечи малолетних нытиков и велел:

— Ведите, показывайте!

Вслед за детьми по лестнице взобралась вся небольшая компания гостей, жаждущих завершить этот вечер чем-нибудь приятным вроде скандала или убийства. Но Кри-

стоф вырвался вперед, и все отступили, по справедливости признавая его первенство. В конце концов, именно он громко заявил: «Хочу посмотреть!»

Кристоф и сам не мог бы ответить, что привлекло его внимание. Зачем, ради всего святого, любоваться еще одним уродцем? Но его последний визит к Эльзе Гвиннер и то, с каким раздражающим достоинством она отвергла его помощь, оставили в душе Кристофа непроходящий зуд и ощущение незавершенности, как если бы Эльза ответила отказом на его ухаживания и уехала, не оставив адреса.

Они обнаружили Агату Гвиннер сидящей на ковре перед изразцовой печкой. Девочка расположилась у открытого пламени и выглядела совершенно беззаботно, как будто и не она только что, по словам большеротых Фальков, сожгла все подаренные игрушки. Заслонка была отодвинута, и шальные искры вырывались наружу. Они тухли в полете, не успевая коснуться ковра, но был лишь вопрос времени, когда один из огоньков окажется упрямее собратьев и заставит полыхнуть весь дом.

Фальки нарядили Агату в платье одной из своих дочерей, но оно было так велико, что пояс пришлось обмотать вокруг живота несколько раз. Рукава свободно болтались на костлявых руках. Месяц в ледяном карцере не прошел для нее бесследно.

— Разве у девочки не осталось родственников? — вежливо поинтересовался Кристоф. Когда он вошел в комнату, Агата не шелохнулась, не повернула головы. Со стороны могло показаться, что она не заметила толпы, но Кристоф знал, что она все видит и слышит. Он уже встречал таких людей, которые смотрят, казалось, не только глазами, но будто бы всей кожей. Кристоф понял это по тому, как чуть заметно напряглись ее плечи, выпрямилась спина — верные признаки того, что Агата Гвиннер вся обратилась во внимание.

— Отец от нее отрекся, — тихо пояснил Фальк. Кроме Кристофа, никто не рискнул заходить в комнату, словно девчонка была заразна или проклята. — Вся семья винит Агату в том, что она свидетельствовала против матери.

Он смущенно кашлянул. Оно, конечно, правильно, когда избобличают грешника, даже если вас связывают кровные узы. Вот только никому не хотелось бы, чтобы их собственные дети при случае сдали родителей перед судом... Поэтому никто толком не знал, как относиться к Агате.

— Сейчас Мартин Гвиннер вроде бы сменил гнев на милость и желает забрать дочку домой. Но это совершенно невозможно, потому что ей положена ссылка.

Очередная искра отлетела на платье девочки и прожгла в нем дыру, но Агата осталась неподвижна. Кристоф приблизился мягкими кошачьими шагами и закрыл печную заслонку. Впервые ему представилась возможность взглянуть в лицо девочки.

Агата была одновременно похожа и не похожа на мать: та же упрямая линия губ, тот же острый подбородок... Лицо рисовалось резкими линиями и тенями, которые делали девочку старше. Кристоф не нашел в нем по-девичьи нежного овала, золотистых локонов и ясных голубых глаз. Волосы были густыми и черными, а в безумных глазах все еще сверкали искры. Это пришлось ему по душе. Безумие Кристоф не без оснований считал своей стихией, а люди на грани помешательства всегда вызывали у него симпатию. Ауэрхан как-то сказал, что души детей — точно сдобные булочки. Жаль, что с возрастом они черствеют и портятся, наполняясь жадностью и корыстью. Кристоф ничего не знал о душах, но, глядя в лицо Агаты, мог бы точно сказать, что перед ним совсем не сдобная булочка.

На ковре валялась отломанная нога игрушечного спаниеля. Проследив за взглядом Кристофа, Агата подняла ее и, аккурат-

но приоткрыв заслонку, отправила следом за прочими игрушками. При виде этого гости как будто очнулись и вспомнили, что уже засиделись и пора бы отправляться по домам. Господин Фальк, смущенный и растерянный, метался туда-сюда, не зная, спускаться ли ему вслед за гостями или остаться. Зильберраду надоело его мельтешение, и он предложил хозяину заняться проводами, а они уж тут как-нибудь сами разберутся...

Кроме Зильберрада, Кристофа, Агаты и Ауэрхана в комнате остался герр Эбенслауф, судья — тот самый, что вынес смертный приговор Эльзе. Он, вероятно, и рад был бы уйти, но что-то держало его рядом с осиротевшей малюткой. Должно быть, из-за неопределенности ее судьбы его мучили угрызения совести.

— Милое дитя, — голос Кристофа сочился медом, — скажи мне, отчего ты так жестоко поступила с этими несчастными куклами и собачками?

Агата молчала, уставившись в одну точку. Тогда он задал следующий вопрос:

— Дети достопочтенных госпожи и господина Фальков сообщили, что ты угрожала им, будто кинешь их в огонь, как этих кукол. Правду ли они сказали?

— Нет, господин.

Ему понравилась ложь этого трогательного утенка. Он терпеть не мог тех, кто обманывает неуклюже, жует слова или прячет взгляд. Из Агаты могла бы вырасти потрясающая лгунья, не в пример ее бестолковой мамаше.

Агата указала пальцем на печную заслонку и беззаботно заметила:

— Подумайте сами, разве ж они влезут в такую маленькую дверцу?

«Только если порезать их на кусочки», — добавила она так тихо, что услышал только Кристоф, и это окончательно растопило его сердце.

В конце концов, он давно подумывал найти ученика — кого-нибудь неглупого и способного. Правда, ему казалось, что это будет мальчишка вроде него самого во время первой встречи с Доктором. Шумный, острый на язык, развратный, завзятый враль и кутила... Но почему бы не рассмотреть другие возможности? Чтобы принять взвешенное решение, Кристофу требовалось побеседовать с Агатой как следует, выяснить ее склонности и таланты. Вот только он всей душой — коей не ощущал — презирал взвешенные решения, считая их делом трусов и бесхребетных простаков. А потому, едва покинув комнату в компании Зильберрада и судьи, заявил весьма твердо:

— Раз уж вы все равно понятия не имеете, что делать с девочкой, позвольте мне взять на себя обязанности ее опекуна. Мы отправимся в Вайссенбург к моей тетушке и осядем там.

Зильберрад ничуть не удивился. Кристоф понял это по металлическому блеску его глаз и напряженному не улыбочивому рту. Эбенслауф же растерялся:

— Позвольте, господин Вагнер, зачем молодому человеку вроде вас взваливать на себя такую ношу? За версту видно, что у девчонки скверный характер! Разве будет так себя вести обычный ребенок?

Кристоф засмеялся и доверительно взял судью под руку:

— Помилуйте, о какой ноше вы говорите? Я доставлю ее к тетке и вспомню о ней, даст бог, только перед конфирмацией. А уж моя тетушка, поверьте, сумеет наставить Агату на путь истинный. Мне нетрудно оказать городу такую любезность, раз уж вам надо разобраться с ее ссылкой. — Он перевел взгляд на Зильберрада: — Вы ведь сами сказали накануне, друг мой, что яблочко от яблони недалеко падает. Так дайте юной Гвиннер шанс на спасение!

Зильберрад молчал, обдумывая слова Вагнера. Будучи человеком жестким, он был не лишен слабостей — не тех,

в каких признаешься под хмельком в борделе, но тех, которые прячешь в темной шкатулке, надеясь, что никто о них не узнает. При всем своем здравомыслии Рупрехт был суеверен и подозрителен. Он предпочитал держать врагов в поле зрения и избавляться от их детей до того, как они станут опасны. Но сейчас, вероятно, он не увидел ничего плохого в небольшом попустительстве странному гостю. Кристоф легко мог прочесть его мысли, которые, надо отдать им должное, были быстрее и ловчее мыслей большинства собравшихся сегодня за ужином.

«Всегда приятно иметь дело с человеком, которому ты когда-то оказал услугу».

Когда на долю Ауэрхана выпадал редкий выходной, он настраивал себя на длинное, тягучее удовольствие, какое демон может получить только в уединении. Ауэрхан никого не посвящал в свои слабости. Даже его хозяин и господин Кристоф Вагнер, повидавший и испытавший за свою жизнь всякое, выказал бы истинное отвращение, покажи ему демон, чем он занят в свободное время.

Первым делом Ауэрхан выкладывал из ларей и шкафов всю одежду Кристофа: льняные сорочки и бархатные камзолы, дорожные плащи и тонкое кружево... Требовалось проверить каждый дюйм ткани и убедиться, что нигде нет дырок от моли, завязки не истрепались, а пуговицы не оторвались. Если же несчастье произошло, вещь нужно было немедленно починить, чтобы никто со стороны даже не понял, что перед ним не обновка. Кристоф ходил щеголем, при этом к одежде относился по-нищенски небрежно. Не так, как добрый крестьянин, который латает свои башмаки и клянется, что в следующий раз будет аккуратнее, а как пьяница

и попрошайка, которому плевать, сколько прорех у него на плаще.

Покончив с заплатами, Ауэрхан принимался заново складывать платья в сундуки, пересыпая их лавандой от моли и разглаживая складки. На десерт оставалась обувь. За чисткой сапог Кристоф и отыскал слугу. Он ввалился в крошечную комнатку, где уединился Ауэрхан, в темноте нащупывая стену. Демону свет не требовался, а потому он сэкономил свечи, но к визиту Кристофа всегда был готов и тут же достал из-за пазухи огарок, который припас накануне утром. Расточительная экономка уже собиралась выбросить его, но Ауэрхан указал ей, что воска и фитиля тут хватит еще на четверть часа, а если так обращаться со свечами, скоро они будут сидеть во мраке, как до первого дня творения.

Демон подул на фитиль, и пламя покорно занялось. Кристоф, пошатываясь, стоял в дверном проеме. Рубаха на нем была распахнута, в одной руке он сжимал ополовиненную бутылку шпатбургундера. Любой, кто не знал Вагнера так хорошо, как его преданный слуга, решил бы, что тот мертвецки пьян. В таком состоянии вываливаются из кабака, делаясь лакомым кусочком для карманников, которым только и остается, что дожидаться, когда надравшийся простофиля рухнет в канаву. Ауэрхана, впрочем, это представление не убедило. Хотя Кристоф легко мог изобразить и развязный кутеж, и хмельную ярость, на деле выпивка мало действовала на него.

По-настоящему пьяный Вагнер часами сидел у окна, пялясь в стену и размышляя, не оборвать ли все разом прямо сейчас. А еще он извлекал на свет длинный ящик из резного дерева со сложным замком, в каком могли бы лежать очень большие шахматы или музыкальный инструмент. Но внутри пряталось нечто иное: выбеленные временем кости,

аккуратно разложенные в выемки на бархатной подложке. Здесь был череп, склеенный из множества мелких обломков, с дырой в области затылка и несколько костей помельче: пястные и лучевая. Никакое богатство в мире не могло сравниться для Кристофа с этим сокровищем.

— Старый черт, я велел тебе сегодня хорошенько отдохнуть!

— Я отдыхаю.

Кристоф пинком откинул уже начищенный Ауэрханом ботинок в угол комнаты и уселся на низкий табурет, вытянув ноги. Сделал большой глоток вина и отставил бутылку, признавая поражение.

— Паршивая брага... Ты известил Фалька, что мы забрем малютку из его дома после Богоявления?

— Известил.

За шестьдесят лет Ауэрхан показал себя как исполнительный и пунктуальный слуга. Он всегда точно знал, сколько свечей и угля осталось в доме, и следил, чтобы кухарка срезала все мясо с костей. Кто-то назвал бы это прижимистостью, но демон предпочитал слово «бережливость».

— Поди, старик рад-радешенек, что мы избавим его от девчонки?

— Полагаю, так.

Кристоф постучал доньшком бутылки о свой каблук и задумчиво протянул:

— Нам понадобится женская прислуга, и лучше бы найти ее здесь. Кого мы сможем отыскать в Шварцвальде? Разве что какую-нибудь деревенщину, которая если чему и сможет обучить Гвиннер, так только убирать навоз за коровами.

Ауэрхан почувствовал укол досады, что не подумал об этом заранее. Конечно, девочке понадобится нянька!

— Могу я задать вопрос? — после некоторых размышлений уточнил он. У Кристофа, когда он в таком настроении,

всегда лучше было заранее выяснить, допустимо ли совать нос в его планы. Но Вагнер только благодушно кивнул и ухмыльнулся, уже зная, о чем демон хочет спросить. — Каковы ваши намерения относительно Агаты Гвиннер?

Кристоф поджал губы и уставился в окно. Полная яркая луна висела среди мрачных облаков, точно небесная скотница поставила подойник, в котором плескалось сияющее белизной молоко. Он никогда не понимал, как люди умудрялись разглядеть на поверхности луны лицо или зайца. Для него она всегда оставалась гладкой, точно шелк или нетронутый лесной снег.

— Дьявол их разберет, мои намерения, — наконец признался он. — Просто хотелось насолить Зильберраду. И потом, ты ведь знаешь, что я давно собираюсь взять ученика.

— Нет, не знаю.

— С каждым годом становится все меньше вещей, которых я никогда не пробовал. Например, я никогда никого не учил. Я не оправдал надежд Доктора. Он, конечно, не рассчитывал всерьез, что я займусь наукой, но, полагаю, втайне желал этого. Думал, что я возьмусь за ум, воспользуюсь всеми знаниями, которые он мне подарил... Образованность — не вопрос дарования, а сочетание усидчивости и обстоятельств, да еще неутолимой жажды. Что, если взять человека, у которого не осталось в этом мире никаких привязанностей, и внушить ему, что единственное, что не причинит боли и не предаст, — это книги? Может получиться неплохо. Что я теряю, в конце концов?

Ауэрхан задумался. Хозяин мог потерять довольно много: деньги, время, силы, покой... Но ничто из этого, с точки зрения самого Кристофа, и гроша не стоило.

— В худшем случае, — подытожил Вагнер, — Агата окажется скучной. Меня это огорчит. Я никогда не был скучным.

Луна так и не дала Кристофу уснуть. Он вертелся в кровати, то натягивая одеяло до самых ушей, то сбрасывая его на пол. Не помогали даже испытанные средства: подогретое вино со специями и ночной колпак. Сдавшись наконец, он встал и зажег свечу. Его заветный ларец хранился под зеркалом. Стараясь не смотреть на свое отражение, он достал его и, зажав под мышкой, забрался обратно в постель. Ключ от замка хранился на цепочке на шее. Без ключа этот замок нельзя было ни открыть, ни сломать. Впрочем, даже если бы ворам это удалось, вот бы рожи у них были!

Кости внутри оставались так же белы и немы. Кристоф сам себе не сумел бы ответить на вопрос, зачем он их хранит. За почти сто лет он повидал немало смертей: на его глазах испускали дух и старые, и молодые... Но ничья гибель не была такой ощутимой, такой *настоящей*, как гибель Доктора. Она словно подтвердила само существование смерти.

Впрочем, если бы Кристоф вывалил эти свои измышления на Доктора, тот хохотал бы до упаду, а затем назвал его идиотом... Пальцы очертили знакомый осколочный рисунок. Вагнер осторожно извлек череп из футляра и устроил рядом с собой на подушке. Они лежали, глядя друг на друга: глаза — в глазницы.

— Я взял ученика, — сообщил черепу Кристоф.

ИНТЕРЛЮДИЯ

530 ГОД, ВИТТЕНБЕРГ

Йохан Вагнер привык к мысли, что его младший сын Кристоф ни на что не годен. Нарождаются же псы, которые не охраняют двор, а привечают любого, кто переступит порог, или кошки, которые позволяют мышам резвиться в амбаре. Такую живность ни один хозяин не пожелает терпеть — в мешок и в реку, вот и весь разговор! Но если родной сын вырос лентяем, тут ничего не остается, как посыпать голову пеплом и молить Бога, чтоб или образумил негодника, или уж прибрал к себе и спас семью от позора.

В семье Йохана Вагнера, шорника из Виттенберга, Кристоф был шестым ребенком по счету. Его отец звезд с неба не хватал, но состоял в гильдии и своим ремеслом исправно кормил многочисленную семью. Предыдущие дети росли усидчивыми и послушными, отличались крепким здоровьем и светлыми головами. Старший сын обучился отцовскому делу, подмастерьем побродил по дорогам Германии, а затем вернулся домой и стал работать в мастерской Вагнеров. Остальные сыновья разбрелись по соседним городам, но каждый нашел место, где осесть. Дочери вышли замуж за порядочных мужчин. Этих своих детей Йохан не стыдился. Сидя в трактире за кружкой пива, он любил повторять, что вырастил их трудолюбивыми и честными, так что теперь и Богу не совестно взглянуть в глаза.

Временами Йохан и вовсе забывал, что у него есть шестой ребенок, настолько тот отличался от прочих. Хотелось бы упрекнуть жену: в кого он такой? Но, если не кривить душой, шорник знал, кого напоминает ему Кристоф: его собственного деда, чье имя любой из родственников предпочел бы забыть. Старик Вагнер слыл беспутником и греховодником, работать он не любил, зато пьянствовал, играл в кости и гулял с чужими женами. Говорили о нем и кое-что похуже, но никто из Вагнеров не осмелился бы это повторить.

Как ни колотил Йохан младшего сына, однажды пришлось признать, что проку с него не будет. Хорошо еще, если шею себе не свернет! Едва Кристофу исполнилось пятнадцать, отец заявил, что не намерен держать дома дармоеда. Если хочет жить сытым, пускай занимается к соседям в работники. Так Кристоф и сделался слугой в трактире. Родной сын трактирщика расшибся насмерть, когда чинил кровлю, и теперь юный Вагнер охотно приходил на выручку старику за горсть медных монет: отводил лошадей постояльцев на коновязь и задавал им сено, приносил гостям ужин в комнаты, чистил их плащи и бегал с посланиями. Особенно любил тех, кто прежде в городе не бывал и еще не знал, что с мальцом надо держать ухо востро. Не то чтобы Кристоф воровал, боже упаси! Все же страх перед отцовским кулаком тогда еще трепыхался в нем. Но нет-нет да и прилипнет к пальцам лишняя колбаска или забытая вещичка из седельной сумки... Ничего ценного Кристоф не брал. За это можно и руки лишиться! Но у людей всегда найдется безделушка, о которой толком и не помнишь, была она при тебе или нет. А если оставил где-то или обронил, то и черт с ней!

Вдобавок в трактире всегда можно было увидеть и услышать что-нибудь любопытное. Все, кто говорил с Кристофом, отмечали одну особенность мальчика: он вызывал доверие. Его большие глаза цвета лесного мха смотрели на собеседника

терпеливо и внимательно. А уж сколько всего люди выбалтывают, как напьются! И сколько готовы заплатить за то, чтобы ты все забыл...

Обычно сведения были пустяшные: один переспал с чужой женой, другой передвинул межевой камень и отхватил кусок соседского поля, третий поносил священника. Но изредка выпадала удача и удавалось узнать кое-что поинтереснее: мясник приревновал жену к соседу и, уловив подходящее время, заколол его корову на пастбище; кровельщик признался, что его мать, повитуха, удавила младенца вдовы; пекарь неделю продавал хлеб из порченной муки, никому ничего не сказав... Обрастая этими маленькими и большими низостями, как дно затопленной лодки — ракушками, Кристоф чувствовал себя всемогущим. В его руках трепетали человеческие судьбы.

...Он помнил, как сбилось его дыхание, когда к воротам трактира подъехали двое всадников. Кристоф следил за ними от самых городских ворот и заранее надеялся, что путники пожелают отдохнуть. Оба носили дорогие плащи, а лошади их были ростом ладоней двадцать, не меньше. Великаны! А их хозяева — наверняка люди самого кайзера.

Кристоф помог гостям спешиться. Чья-то рука сунула ему в ладонь монету, и он от души поблагодарил дарителя. Расседывая лошадей, отметил, что седла и уздечки изготовлены на славу, не чета тем, что делал его отец, ремесленник средней руки. Отличная крепкая кожа, колодки точно созданы специально под этих лошадей... Желая угодить незнакомцам, Кристоф взял пук соломы и тщательно растер лошадиные спины, а потом задал этим коням овса больше, чем прочим. Поместив седла на козлы, он уже собирался повесить потники на просушку, как вдруг из одного неожиданно что-то выпало, с сухим шорохом затерявшись в опилках.

Кристоф присел, поводит туда-сюда фонарем с горящим фитилем. Рядом с его ногой блеснул кругляш. Сперва парень принял его за монету, подобрал, повертел так и сяк. Нет, такой монеты он не знал. Вроде серебро, но одна сторона гладкая, а на другой вырезаны крест и знаки — в потемках не разобрать, какие именно. Кристоф сунул находку за пазуху и побежал в трактир, узнать у хозяина, не нужно ли ему чего.

В общий зал накануне Великого поста народу набилось полным-полно. Студенты, сгрудившись за одним столом, драли глотки что было мочи. Ими предводительствовал тучный мужчина в берете, которого Кристоф уже не впервые здесь видел. Шел тот вечерний час, когда завсегдатаи еще не надрались, а новички еще не освоились. Кристоф пошарил взглядом по головам: такие, как давешние благородные господа, обычно брезгуют компанией. Он угадал. Свистнув мальчишку, трактирщик сунул ему в руки поднос с двумя кувшинами вина и свиными ребрышками и велел отнести наверх. «Узнаю, что подслушивал, — понизив голос, сквозь зубы процедил он, — уши оторву и отцу твоему все расскажу!»

Оказалось, что старик отвел гостям лучшую комнату с массивным дубовым столом и большим гобеленом во всю стену, на котором дочь трактирщика вышила Деву Марию. Постельное белье здесь всегда было постирано, в кроватях не водилось клопов, а по ночам постояльцев не тревожили мыши. Путники уже разоблачились. Они сидели за столом и по-приятельски беседовали, тихо смеясь и кивая друг другу. Сквозь разрезы на рукавах проглядывали шелковые подкладки. Модные дорожные плащи шаубе были сложены на стульях.

Один гость был молод, высок и хорош собою, с гладко выбритым подбородком и пышными темными усами. Его берет был надвинут на лоб, а брови тонкой дорожкой сра-

стались на переносице. Второй был уже в годах, на вид лет пятидесяти. В каштановых волосах пробивалась седина, борода была аккуратно подстрижена, вокруг глаз кожа морщижилась, но сами глаза оставались яркими и веселыми и смотрели с прищуром, точно видели тебя насквозь. Этот взгляд неожиданно пригвоздил Кристофа к месту, заморозил его так, что он встал как вкопанный у самого порога. Мужчина рассмеялся, показывая ровные белые зубы — удивительное дело для его возраста.

— Ты, похоже, ждешь, пока мы умрем с голоду, а ты сможешь обглодать наши ребрышки!

В глубоком низком голосе незнакомца не слышалось раздражения, только легкое подтрунивание. Кристоф отметил франкский говор. Спohватившись, он подошел к столу и поставил на него поднос. Ему не хотелось покидать комнату, поэтому он принялся разливать вино, надеясь, что мужчины продолжат прерванный разговор. Но они молчали.

— Если будешь делать это еще медленнее, нам придется съесть тебя.

Голос молодого гостя показался Кристофу неприятным, как скрип старых петель. Разозленный замечанием, он подал кружку с вином бородачу, а его спутнику принялся наливать тонкой струйкой. «Чтобы осадок не попал», — пояснил он как ни в чем не бывало.

— Юноша, — обратился к нему бородач, — скажи, ты давно помогаешь в трактире?

Кристоф дернул плечами, и найденный серебряник, спрятанный за пазухой, пощекотал ему пузо.

— Уж скоро год как.

— Всех тут знаешь?

— Не всех. Знаю тех, кто раньше других напивается и засыпает в собственной блевотине, а еще драчунов и должников. Людей выдающихся, в общем.

Усач высокомерно хмыкнул и взялся за свою кружку, о которой Кристоф совсем забыл. Вино в ней доставало до краев, но гость не расплескал ни капли.

— Вы бы еще у блохастой дворняги спросили, Доктор!

Доктор... Очередной профессор? Эти, пожалуй, пьют крепче всех, да еще обращаются с тобой, как с грязью под ногтями. Кристоф распрямился:

— Я здесь родился и вырос, господин. Если вам кто-то нужен, я отыщу.

Доктор мягко улыбнулся:

— Как тебя зовут?

— Кристоф Вагнер.

— Кристоф...

Ему понравилось, как его имя прозвучало из этих аккуратных уст.

— Я — доктор Иоганн Фауст, а это мой друг Мефистофель. Мы ищем тут человека по имени Мартин Лютер. Он раньше преподавал в местном университете. Отличается редким красноречием и необычными суждениями.

«И пухом, как у бабы на сносях», — мысленно добавил Кристоф, но вслух произнес:

— Найдете его внизу, господа. Он теперь редко бывает в наших краях, но вам повезло. Ни с кем не спутаете, вокруг него вечно студенты толкуются. Могут быть еще чем-нибудь полезны?

Он надеялся, что Доктор скажет «да» и попросит просушить его плащ или начистить сапоги, заменить кислое вино или принести к ребрышкам тушеной капусты. Но Фауст только окинул Кристофа цепким испытующим взглядом и покачал головой. Мальчишка отвесил гостям короткий поклон и взялся за ручку двери...

Заперто! Замок, что ли, заел? Растерянный, он обернулся. Мефистофель с Фаустом уже взялись за ребрышки. Доктор

держал мясо обеими руками и откусывал маленькие куски, стараясь не капнуть жиром себе на воротник.

— Только, будь добр, верни то, что ты у меня украл, — попросил он, промокнув губы хлебом.

Откуда он узнал? Следил из окна? Так в сумерках не разобрать ничего! Мог видеть только, как Кристоф шарит в опилках, но мало ли что он мог туда обронить? Если бы кто-то из гостей стоял за спиной, он бы услышал. Так что доказательств у них все равно нет!

Вообще-то Кристоф и сам вернул бы монету. Если она серебряная, это уже похоже на настоящую кражу, а от преступлений он старался воздерживаться. Но такое открытое обвинение оскорбило его до глубины души.

— Вы сейчас назвали меня вором, Доктор?

Фауст задумался ненадолго, а потом протянул руку ладонью вверх.

— Нет, если отдашь мне мою вещь и извинишься.

Кристоф упрямо упер руки в бока.

— Обидные вещи говорите, господин! Думаете, раз вы богаче, так имеете право обвинять меня во всем подряд?

Не будь это Фауст, Кристоф уже полез бы в драку. Вылетел бы с работы, но свою честь бы отстоял. Но чем дольше эти глаза смотрели ему в лицо, тем меньше злости оставалось в сердце. Да и серебряник начал нагреваться под рубашкой. Сначала Кристоф решил, что всему виной тепло его тела — в комнате стояла духота. Но монета нагрелась так, что, казалось, вот-вот прожжет кожу. Он сцепил зубы, укусив себя за щеку, но не помогло: из глаз брызнули слезы.

— Ничего. Я. Не крал, — упрямо повторил он.

Как по волшебству, монета остыла, приятно охладив кожу.

— Ступай, раз так, — улыбнулся Фауст.

Кристоф развернулся и распахнул дверь, которая теперь открылась беспрепятственно. За ней его ждала троица

огромных черных псов. При виде парня собаки оскалились. Ни разу в жизни он не видел псин с такими огромными, как тыквы, головами и пастями, в которых легко поместились бы его руки. Губы псов дрожали, в тусклом свете розовели полосы десен, с брылей капала слюна. Их рык отдавался в позвоночнике Кристофа.

— ...Но сперва отдай то, что ты украл, — терпеливо повторил Доктор.

Кристоф попытался захлопнуть дверь, но одна из собак бросилась на него. Он отскочил назад, споткнулся о выступающую доску и шлепнулся на зад. Закрылся локтем, ожидая, что псина наскочит на него, но ничего не произошло. Когда он отвел руку, собак уже и след простыл. Сердце колотилось как сумасшедшее, но теперь он уже не мог отступить. Никто не имеет права называть его воров, не доказав этого!

Доктор смотрел на юношу с любопытством, склонив голову.

— Да пошел ты!

От обиды голос Кристофа дал петуха. Мефистофель тихо рассмеялся.

— Милый мальчик, ты ведь даже не знаешь, что взял.

Бархатный голос Фауста окутывал его. Кристоф встал на ноги, отряхнул пыль со штанов и собрался уходить, но ледяной шепот Мефистофеля пригвоздил его к полу.

«*Стоять*», — велел он, и Кристоф остановился. Как он ни пытался сойти с места, подошвы будто гвоздями прибило к доскам. «*Подойди*». В ноги словно вставили спицы, заставляя делать шаг за шагом, пока Кристоф не остановился перед столом. Взгляд его упал на почти нетронутые ребрышки. Мефистофель взял свою кружку и выплеснул остатки вина в камин. Огонь яростно зашипел. Гость взялся за кувшин и заново наполнил кружку, придвинув ее к Кристофу: «*Пей*».

Тело больше не принадлежало ему. Как бы он ни сопротивлялся, рука сама схватила кружку. В нос ударил резкий запах мочи, как от ночного горшка. Кристоф изо всех сил сжал губы, чтобы коварная рука, переставшая повиноваться, не плеснула нечистоты ему в рот. Плечо свело судорогой, а локоть, казалось, сейчас треснет. Мефистофель сложил руки перед собой и поднял брови, с интересом наблюдая за борьбой. Шею пронзило острой болью. Вонь сделалась такой сильной, что защипало в глазах. Еще немного, и рука вылетит из сустава...

— Довольно.

Фаусту достаточно было сказать слово, и Кристофа отпустило — резко, словно из него выдернули крючок. Пальцы разжались, и кружка упала на пол, расплескав вино. Он запыхался, будто пробежал десять раз по лестнице туда-сюда. По вискам текли ручейки пота.

— Можно подумать, твоя жизнь от этого зависит. — Доктор тоже отчего-то выглядел уставшим. — Иди домой. Никому не продавай и не дари то, что украл у меня. Это талисман Агриппы, знак Луны, выгравированный в серебре. Он поможет тебе никогда не устать в дороге.

Кристоф так и не понял тогда, разочаровал он доктора или позабавил. Много лет он собирался задать Фаусту этот вопрос, но так ни разу и не спросил. В ту ночь домой он не вернулся — работы в трактире было много, и хозяин разрешил ему устроиться в свободной комнате, в нескольких шагах от места, где спали Фауст и Мефистофель. После ужина доктор в одиночестве спустился к Лютеру и долго слушал, не перебивая и не вступая в разговор. Когда студенты разошлись, Лютер и Фауст заняли стол в углу и до самого рассвета беседовали, наслаждаясь компанией друг друга.

Ворочаясь на соломенном матрасе, Кристоф успел сотню раз пожалеть о своем упрямстве и еще сотню — порадовать-

ся своей победе. Только почему-то у победы был неприятный привкус мочи. Он извлек из-за пазухи монету и долго рассматривал выпуклый рисунок: крест на нем совсем не походил на Луну.

Утро застигло его врасплох, как преступника. Откуда-то он знал, что новый знакомый покинет сегодня трактир, поэтому кубарем скатился вниз. Лютер уже ушел, и Фауст сидел у окна один. Лицо у него посерело от бессонной ночи, но на губах бродила мечтательная улыбка.

Кристоф сел напротив и положил на стол серебряную монету. Фауст даже не взглянул на нее.

— Я не воровал. Она выпала из седла, и я подобрал. Я бы вернул, когда рассмотрел, что на ней нарисовано.

— Почему тогда не отдал сразу?

Кристоф поморщился, как от зубной боли.

— Потому что вы меня подозревали, и как бы оно выглядело, если бы я после этого возьми да вытащи вашу дурацкую монету из-за пазухи?

Фауст улыбнулся:

— Теперь хорошо рассмотрел?

— Да. Но оно все равно не похоже на Луну, вы уж простите. Ни капельки.

Доктор задумчиво провел пальцем по неровным краям талисмана. Потом вдруг подвинул его к Кристофу.

— Пусть будет тебе подарок. Скажи-ка мне, Кристоф, как твой батюшка посмотрит, если я найму тебя в услужение?

«Будет счастлив, как осел, с которого сняли поклажу», — подумал Кристоф, но вслух сказал:

— Проплачет три дня, господин.

ГЛАВА 3

Наутро после Рождества Агата Гвиннер вела себя как глухонемая. Когда фрау Фальк вывела ее на порог, на ходу заправляя черные волосы под чепец, девочка даже не поздоровалась со своим благодетелем и словно не заметила, с какой помпой организовано путеше-

ствие. Поезд из кареты и двух груженных всякой всячиной саней выглядел так, словно ему предстояло проделать немалый путь. Хотя Кристоф заверял совет, что они двинутся на юго-восток в Вайссенбург, где он передаст Агату под присмотр своей те-

тушки — почтенной пожилой вдовы, доброй католички, воспитавшей троих детей, — на деле их путь был гораздо короче и вел на юг.

Путешественники намеревались проехать вверх по реке Кинциг, что брала свое начало у небольшого городка Лоссбург, текла через весь Шварцвальд и впадала в Рейн. Темные уголья Шварцвальда и служили их истинной целью. К ним вела дорога, проложенная еще римлянами. Она начиналась в Оффенбурге, а заканчивалась в городе, именуемом некогда Ара Флавиа, а ныне Ротвайль. Кристоф мог бы поделиться этими бесценными знаниями с новой воспитанницей, если бы та проявила к ним хоть малейший интерес.

Но Агата казалась совершенно равнодушной как к цели путешествия, так и к родному городу, который покидала без всяких сожалений. Не попрощалась она ни с площадью, где сожгли ее мать, ни со зловещим шпилем церкви Святого Креста, ни с собственным домом, где остался ее отец один-одинешенек...

Только выехав из города, она вдруг с шумом втянула носом свежий воздух. Воздух, в котором не было привкуса того костра, в котором сгорели дотла ее мать и вся ее прошлая жизнь.

В карете, помимо Кристофа и Ауэрхана, ехала еще девушка по фамилии Зауэр, которую демон нанял в компаньонки для Агаты. Ему показалось ироничным, что отец девушки — мейстер Ганс — служил в Ортенау палачом и что именно он допрашивал Эльзу Гвиннер. У палача было семь дочерей, и старшая, Урсула, буквально умоляла Ауэрхана взять ее в служанки. Присмотр за одним ребенком виделся ей синекурой по сравнению с тем, чтобы ходить за шестью сестрами и следить, как бы они не поотрывали друг другу головы.

Сейчас Урсула Зауэр отодвинула шторку и жадно глядела в окно. Она никогда прежде не покидала Оффенбург, и теперь ее раздирали любопытство и ужас от осознания того, как велик этот мир. Мимо проплывали припорошенные снегом виноградники и деревни, чьи дома с двускатными соломенными крышами напоминали сонных птиц. «Совсем нет ряженных в этом году, — печально подумала девушка. — Должно быть, все из-за Гвиннер. Боятся».

Урсула уточнила, сколько дней предстоит ехать, и была несколько разочарована, узнав, что уже к вечеру они будут на месте. Все же она вспомнила о своих обязанностях и де-

ловито закутала дремлющую Агату в шерстяной платок. Девочка только сонно отмахнулась. «И правда тепло», — удивилась Урсула. Несмотря на мороз снаружи, в карете было жарко, точно рядом грела печка. Может, под сиденьями пряталась жаровня?

На полпути Кристофу надоело сидеть сиднем, и он потребовал остановиться. Они с Ауэрханом выбрались из кареты и отошли в сторону, а вскоре Урсула увидела, как ее наниматель загарцевал впереди на черном жеребце. Девушка была только рада остаться наедине с Агатой: рядом с мрачным прислужником Вагнера ей делалось не по себе.

Дома, в Оффенбурге, о Кристофе Вагнере ходили разные слухи, но в одном все сходились: он был редкий развратник. А потому семья палача долго противилась тому, чтобы старшая дочка ехала в его поместье, да еще присматривала там за отпрыском ведьмы. Но Урсула напомнила родителям, что совсем недавно Эльза Гвиннер была никакой не ведьмой, а просто соседкой и женой пекаря, у которого они покупали сладкие крендельки. К тому же дела у отца шли не очень, на приданое дочерям скопить никак не удавалось, а матушка носила восьмого ребенка, который должен был появиться на свет к весне. Тогда одним голодным ртом в семье станет больше. Второй сестре уже исполнилось четырнадцать, так что она вполне могла присматривать за остальными, а сама Урсула обещала присылать родителям деньги, если получится. Скрепя сердце матушка благословила ее, но чем дальше девушка отъезжала от родных мест, тем больше сомневалась в правильности своего решения.

Наконец знакомые края остались позади, и путников принял в свои заснеженные объятия Шварцвальд. По сторонам вздымались к небу огромные ели. Кони, привычные к дороге, бесстрашно ступали среди деревьев. Когда они втащили свою нелегкую поклажу на возвышенность, перед

путешественниками открылся вид на холмы, походившие на спины громадных черепах, которые уснули так крепко, что панцири поросли лесом. Над взгорьями алело заходящее солнце, заливая все необыкновенным кровавым светом.

Кареты углубились в лес. В последний раз огненно вспыхнул закат, и их окутали сумерки. Урсула вспомнила истории о медведях и диких кабанах, способных разорвать человека на клочки, и не на шутку встревожилась. Зато Агата совершенно не выглядела напуганной, но это и неудивительно: после всего, что она пережила, вряд ли на нее было легко нагнать страху.

Урсула вспомнила, как холодным ноябрьским утром, когда она делала покупки в зеленой лавке, вдруг услышала страшный визг. Выбежав на улицу, она увидела, как двое стражников волокут куда-то упирающуюся Агату. Объятая ужасом, та показалась Урсуле совсем малюткой. Но, конечно, о том, чтобы вступить за нее, не было и речи. Боясь, что стражникам не понравится, как она пялится на них, Урсула вернулась в лавку.

Позже мейстер Ганс неохотно сообщил, что девочку доставили к нему на дознание. Сколько бы грязных разговоров ни ходило о его работе, сам он был человеком незлым и дома никогда не говорил о том, что творилось в застенке. Несколько раз Урсула с матушкой интересовались судьбой маленькой Гвиннер, но отец только хмурил брови и сурово отвечал, что не собирается это обсуждать. Но Урсула была уверена, что он не стал бы мучить ребенка. Страху девчонка натерпелась, да и только...

Агата внезапно открыла глаза — на мгновение Урсуле показалось, что в них мечется пламя. Карета остановилась. Когда в окошко постучали, девушка ойкнула, своим испугом развеселив Кристофа. Наклонившись в седле, он взглянул на Агату:

— Вот мы и приехали, дитя. Хочешь ко мне?

Девочка подумала немного, а затем молча выбралась из кареты. Кристоф усадил Агату в седло перед собой. Его громадный черный конь, точно вырубленный из угля, терпеливо ждал. Вагнер тронул пятками лошадиные бока, пустил коня мягким галопом и уехал вперед. Не желая оставаться в карете в одиночестве, Урсула тоже выбралась наружу и села рядом с возничим — молодым вихрастым парнем, который подмигнул ей вместо приветствия.

Воздух был какой-то застывший, будто весь ветер ушел в снег, а впереди из тьмы медленно проступали очертания трехэтажного особняка с высокими окнами. Он ничем не напоминал виденные по пути замки, но все равно выглядел величественно. Два изогнутых крыла соединялись между собой деревянной галереей. Вероятно, где-то поблизости скрывались хозяйственные пристройки и конюшня, но как Урсула ни вертела головой, так и не смогла ничего разглядеть в сумерках. Не удалось ей также заметить, есть ли во внутреннем дворе сад или фонтан. Если и был, то его наверняка замело снегом. Неожиданно при мысли, что ей предстоит провести тут целую зиму совсем одной, без друзей и семьи, лишь в компании неразговорчивой и наверняка неприветливой прислуги, Урсуле стало грустно.

Вокруг дома не было ни стен, ни рва. Его окружала лишь черная мгла леса, зато в каждом окне, вплоть до самого маленького под крышей, горел свет.

— Хозяин любит, чтобы было много света и веселья. — Возница посмотрел в лицо Урсуле. — А ты как? Любишь повеселиться?

Она так и не нашлась с ответом, но одно знала точно: она не хочет разделять свое веселье с Кристофом Вагнером.

Внутри просторный холл встретил их теплом. Первый этаж, как на ходу пояснял невесть откуда взявшийся Ауэрхан, был отведен под кухню и кладовые. Места там было так много, что хоть устраивай настоящий бал.

Затем они поднялись на второй этаж, где располагались столовая, парадные залы и кабинет Вагнера. Глаза Урсулы разбегались от богатств, которыми, как она раньше полагала, мог обладать лишь король. В комнатах повсюду блестели зеркала и начищенная медь, а полы устланы персидские ковры. На стенах, обитых деревянными панелями, висели картины. Почти на всех был изображен залитый солнцем город, незнакомый Урсуле. На площади с фонтаном пестрыми пятнами расхаживали люди, а у их ног деловито бродили голуби.

Лишь одна небольшая картина выбивалась из прочих. На ней был изображен уродливый человечек с усами и в шапке. Он сидел на полу, неестественно наклонившись вперед и зажимая пальцами ног длинную кисть. Рук Урсула у него не заметила. Перед калеккой лежала доска, на которой он выводил аккуратные буквы: «Deus est mirabilis...» Картина была отталкивающей и одновременно успокоительной в своей простоте. Хотя изображенный на ней человек был на вид отвратителен, но все, что его окружало, выглядело самым обычным: подвязанная штора, распахнутое окно, ваза с цветами... Чем дольше Урсула смотрела, тем менее пугающим казался нарисованный уродец. Кристоф, заметив ее интерес, дернул краешком губ, что, вероятно, обозначало у него улыбку.

— Кто это нарисовал? — спросила Урсула, поняв, что скрыть любопытство уже не получится. Она ожидала, что

Вагнер ответит какой-нибудь колкостью, но он просто сказал:

— Томас Швайкер. Между прочим, почти ваш земляк — из Швабиш-Халля.

— А зачем такое рисовать?

— Это автопортрет. Швайкер нарисовал сам себя.

— Где его руки? — Это было первое, что произнесла Агата за все время их поездки.

— Их нет. — Разговор на эту тему почему-то ужасно развеселил Кристофа. Вероятно, ему нравилось наблюдать за тем, как вытягиваются в недоумении лица гостей. — Швайкер таким родился.

— А где он сейчас?

— Прямо сейчас очень болен и, вероятно, вскоре умрет.

— Тогда его положат в очень узкий гроб?

В тихом голосе Агаты звучало любопытство. Кристоф Вагнер от души расхохотался.

Потом они бродили по ярко освещенным залам, и хозяин дома радостно указывал то на одну, то на другую диковинку, которые привозил из своих многочисленных путешествий: картины, разрисованные веера, уродливые маски... Кажется, он побывал повсюду. Слушать его было интересно, но Урсула с ног валилась от усталости. Хотя дорога была куда короче, чем она думала, тело от нее стало тяжелым, точно мешок с зерном. А еще в доме царил небывалая жара. В каждой печи, каждом камине, что они встретили, потрескивали поленья.

Третий этаж занимали спальни. Они выглядели совсем обычными, но все равно кое-что удивило Урсулу в этом доме. Если не считать их четверых, он был совершенно пуст. Даже слуги, что приехали вместе с ними, куда-то подевались. Несколько раз девушке казалось, что она слышит цоканье когтей и собачий лай, но стоило прислу-

шаться, как все звуки исчезали, оставался только шум леса за окном.

«Деревня далеко, — думала Урсула, медленно шагая следом за Ауэрхэном и Кристофом по мягким коврам. — Вокруг только лес, где живут медведи и волки. Больше ничего. Ни души».

Ужинали тоже вчетвером в большой столовой. На ковре поближе к печке лежали три черных брылястых пса размером с теленка. При виде Кристофа они вскочили, радостно виляя хвостами, но, разморенные, быстро вернулись на свои места и больше не поднимали голов.

Длинный стол был застелен белоснежной скатертью, свет дюжины свечей плясал на зубцах серебряных вилок, каких Урсула прежде никогда не видела. На круглом блюде красовался запеченный ягненок, а в кувшинах дожидалось подогретое вино. Но ни одного лакея не было видно. Кто же накрывал на стол? Урсула спросила, где ужинает прислуга, но Ауэрхан заверил ее, что сегодня она может составить компанию господину и его воспитаннице за общим столом.

Кристоф ел быстро и без особого аппетита — чтобы насытиться, а не распробовать лакомство. Он ловко орудовал вилкой, а вот Урсула от прибора отказалась: так она только вернее заляпает платье и скатерть, да и «вилы дьявола» не внушали ей доверия. Еда оказалась очень вкусной, мясо таяло на языке, а от вина клонило в сон. Она заметила, что Агата тоже клюет носом.

— Комната для тебя и фройляйн Гвиннер уже готова, — заметил Кристоф. Дома он казался не таким уж развязным. Может, дело было в длинном бархатном халате с меховой

опушкой, но вид у него, скорее, был расслабленный и спокойный. — Если что-нибудь понадобится, обращайтесь к Ауэрхану.

— А я смогу завтра познакомиться с остальными слугами? — уточнила Урсула.

— Если хочешь, — пожал плечами Кристоф и взглянул на Агату, которая уже дремала, свесив голову на грудь, но так и не выпустила ложку из рук. — Ты грамотная?

Урсула смутилась. Ауэрхан уже задавал ей этот вопрос, когда нанимал на работу, но, вероятно, не передал ничего своему господину.

— Нет.

Когда у тебя шесть сестер, тут уж не до азбуки. Пока всех накормишь, обштопаешь, отмоешь да сопли вытрешь, уже на дворе глубокая ночь. Урсула вспомнила, как засыпала за занавеской под одним одеялом с сестрами, и неожиданно затосковала по дому. Справляется ли там матушка? Помогают ли ей?

— А сколько тебе лет?

— Пятнадцать.

Кристоф неожиданно улыбнулся:

— Когда мне было столько же, сколько тебе, я тоже ни черта не знал. Глуп был как пробка, зато смазлив и ловок. Отец все дожидаться не мог, когда я уеду из дома, чтобы глаза его меня не видели. Твои родители тоже мечтали тебя выгнать?

Урсула мотнула головой:

— Нет. Отец с матерью меня очень любят, господин. Полагаю, им сейчас грустно без меня.

Когда она подняла взгляд, Кристоф хмыкнул и подмигнул ей, чуть заметно кивнув в сторону Агаты:

— Тогда ты в меньшинстве, пташка.

У Урсулы никогда не было своей комнаты и, как она думала, никогда не будет. Она знала, что сначала будет жить с родителями и сестрами, потом выйдет замуж, а через год уже свои детки пойдут. Где тут уединяться? Урсула даже не могла вспомнить, когда в последний раз была одна. Наверное, никогда.

Но хозяин этого дома в глубине темного леса мог остаться один в любой миг, когда бы ни пожелал. Интересно, каково быть Кристофом Вагнером? Ужинать из фарфоровых тарелок, сидеть перед камином, зная, что завтра ты целый день сможешь провести в праздности и не таскать самому воду, не начищать медь, не выгребать золу из печи, не смотреть за детьми... Урсула никогда раньше не прислуживала в богатых домах, а потому и не завидовала их обитателям. Легко не завидовать, когда не видишь, как живут толстосумы. Но теперь она это узнала, и нутро ее вспыхнуло от желания стать кем-то другим.

Она внимательно оглядела комнату, где предстояло жить им с Агатой. В просторной спальне почетное место занимала большая дубовая кровать с балдахином на четырех столбиках. В углу жарко натопленная печка с изразцами. Издалека казалось, что она покрыта обычным пестрым узором, но, если присмотреться, с каждой плитки пялилась оскаленная красная морда с рогами и высунутым языком. Урсула поежилась. Зато резной золоченый сундук в углу был разрисован облаками и пухлыми ангелочками. Он был пуст, и Урсула сложила туда их с Агатой одежду.

На маленьком столике у кровати ждали кувшин с теплой водой и пара полотенец. Но Урсуле не хотелось раздевать и умывать Агату. Выискалась хозяйка! Еще вчера бегала

в грязных башмаках, а сегодня уже нос задирает. Пускай сама укладывается, не маленькая... Девушка отошла к окну, попыталась отпереть его, чтобы впустить немного прохлады, но рама была заколочена. Она вздохнула и обернулась.

Агата сидела на кровати и болтала ногами, поглядывая украдкой на свою новую няньку. Взгляд был чересчур пристальный для ребенка. Урсула хотела помочь девочке снять башмаки, но та мягко уперлась рукой ей в плечо.

— Не нужно, я сама.

— Сама так сама, — буркнула Урсула и распрямилась.

— Отвернись.

— Чего я там не видела?

Агата пожала плечами, развязала передник и аккуратно повесила его на спинку кровати, затем скинула юбку и осталась в одной нижней рубашке. Тогда-то Урсула поняла, почему девочка просила не смотреть. Ткань сползла, и показался край острой детской лопатки, на которой багровел рубец. Агата повела плечами, словно взгляд Урсулы причинил ей боль. «Значит, не зря отец отмалчивался», — полыхнула мысль.

Стараясь не смотреть на шрамы, девушка достала гребень, чтобы причесать воспитанницу. Как бы там ни было, отец — человек подневольный, это его работа... Черные волосы Гвиннер струились между пальцами, как вода, и слегка завивались на концах.

— Больно было? — не выдержала Урсула и тут же отругала себя за глупый вопрос. Конечно, больно! Но как? Как когда крышка сундука падает тебе на пальцы? Или как обжечься горячим жиром? У боли сотни оттенков, и каждый не похож на другие.

Но Агата беззаботно ответила:

— Я уже и не помню. Наверное, да.

— Как это — «не помню»? У тебя вон вся спина изуродована!

— Сильно? — тихо переспросила та.

Урсула смутилась:

— Бывает и хуже... Да и кто там твою спину увидит? Разве что муж, но до тех пор все заживет.

Желая поскорее свернуть разговор, она заплела Агате косу, велела ей забираться под одеяло и затушила свечу.

Агата не спала, но притворялась спящей. Что-что, а притворяться она научилась превосходно. Стоило закрыть глаза, и ей мерещилось, что кровать объята пламенем. Сперва занималось одеяло, затем огонь поднимался выше, пока не достигал подушки. Все это время языки не жалили Агату, а лишь дразнили обещанием невыносимой боли, даже сильнее той, что довелось пережить в подвалах с мастером Гансом. Только когда жар смыкался у нее над головой, кожа наконец вспыхивала и начинала обугливаться.

Агата вздрогнула и открыла глаза. Как бы она ни старалась, кошмары не уходили. Глубокий сон без сновидений поглощал ее лишь тогда, когда уже не было сил держаться на ногах. Он заставал ее в самых неожиданных местах: за обеденным столом или во время прогулки, за разговором или в карете на пути в Шварцвальд... Агата словно исчезала на мгновение из этого мира, а потом снова появлялась.

Если бы матушка была жива, Агата бы написала ей, что поселилась в новом богатом доме, где стены увешаны картинами, а из комнаты в комнату бродят большие черные собаки. Но матушка отныне должна была жить в самом дальнем чулане ее головы.

Агата тихо выбралась из постели, подошла к печке и опустилась перед ней на колени. Открыла заслонку и придвинула лицо близко-близко, чтобы жар обжег щеки, а тонкие волоски вокруг лба задрожали от горячего воздуха. Она должна подготовить себя к тому, что ждет ее в аду. Туда попадают те, кто предал своих матерей.... Агата глубоко вдохнула, ощущая, как горячий воздух проникает внутрь.

Но тут в кровати завозилась Урсула — не проснулась, просто перевернулась с боку на бок. Такие, как она, спят крепко, их не будят ни чужой храп, ни детская возня, ни собачий лай. Тело приказывает им спокойно спать, чтобы завтра вновь приниматься за работу. Агата вернулась под одеяло и всмотрелась в лицо своей новой няньки. Без чепца, с небрежно заплетенной косой, Урсула выглядела очень нежно. По-матерински.

Про саму себя Агата знала, что она отвратительна. Ей нужно стать кем-то другим: лучше, умнее, усерднее... Стать такой, какой хочет ее видеть Кристоф Вагнер. Сделать что угодно, только бы ее не схватили снова и не сунули в ледяной карцер. Она закрыла глаза, ощущая, как пламя начинает подниматься от ступней вверх до колен. Никто никогда не должен узнать, о чем на самом деле думает Агата Гвиннер.

ГЛАВА 4

Когда жемчужный рассвет тронул верхушки елей, Агата окончательно смирилась с тем, что не уснет. Она встала тихо, чтобы не потревожить Урсулу, оделась, переплела волосы и спустилась в кухню в надежде найти что-нибудь поесть.

За приоткрытой дверью начиналось царство горшков и сковородок. В воздухе пахло мукой, но еды не было нигде: ни на столе, ни в шкафах, ни в ящиках. Отчаявшись, Агата толкнула створку печи*. Там было темно и тепло. За ночь дрова прогорели, оставив после себя лишь горячую золу. Стараясь держаться подальше от цистерн, девочка осторожно вошла внутрь.

Утренний свет из кухни свободно проникал в печь. В резких солнечных лучах кружились струпья золы, потревоженные ее башмаками. Запах растопленного жира и вчерашней рыбы заставил живот заурчать. Неужели даже тут не найдется ни крошки? Вдруг сквозняк поднял с пола пе-

* В те времена кухни были снабжены большой печью, занимавшей целую отдельную комнатку и служившей основным дымоходом. Она использовалась для приготовления пищи и обогрева дома. В некоторых печах были встроены цистерны с водой.

пел: кто-то вошел в кухню. Дверца печи дрогнула и захлопнулась.

Хищная темнота схватила Агату, заползла в уши. Перед глазами метнулись алые пятна, от сперттого воздуха пересохло в горле, в висках зазвенело, а тело покрылось липким потом. Агата открыла рот, пытаясь вдохнуть поглубже, но ничего не выходило. Руки шарили по стенам в попытке отыскать дверь. На мгновение ей показалось, что из угла слышны писк и крысиная возня. Писк делался все громче и громче, пока не разорвался прямо у нее в голове.

В этот миг кто-то распахнул дверь и впустил свет. Агата вывалилась из печи прямо под ноги Кристофу Вагнеру.

Господин Вагнер мало напоминал взрослых, каких Агата встречала до того. Он много и весело говорил, не носил черное, а глаза у него блестели, как начищенный медяк. Агата тонула в его словах и мыслях, которые не успевала даже ухватить за хвост, чтобы рассмотреть, не говоря уж о том, чтобы понять. Вот и сейчас он разочарованно протянул:

— О, ну это совсем не напоминает мой завтрак! Ты выглядишь совершенно несъедобной. Хотя Ауэрхан бы поспорил... Однако меню Ауэрхана мало меня тревожит. Что ты там делала?

Она все еще хватала ртом воздух, точно не могла надыхаться. Наверное, когда открылась входная дверь, сквозняк захлопнул дверцу печи. Вот как все просто! Если бы она не суетилась,хватило бы одного толчка, чтобы освободиться. Никто не запирает ее здесь.

Агата оглядела себя: на юбке остались пятна сажи. Матушка пришла бы в ярость, и Урсула тоже наверняка разозлится. Зато Кристоф Вагнер к испачканной одежде не проявил ни малейшего интереса.

— Я искала еду.

Он хлопнул в ладоши:

— Вот так совпадение! Я тоже. Правда, для таких поисков вовсе не обязательно запирается в печи и визжать, как поросенок, но у каждого свои способы. В этом доме предостаточно народу со странностями. Если бы я каждый раз выяснял, что у кого в голове, то в моей собственной не осталось бы места. Итак, еда!

Он несколько раз хлопнул в ладоши и, обернувшись, довольно крикнул. Сами собой на столе появились кровяная колбаса, головка сыра и кувшин с пивом. Агата не успела заметить, откуда взялось съестное.

— Так-то лучше. Возьми колбаску.

Кристоф Вагнер уселся за стол и с аппетитом откусил большой кусок сыра. Сегодня он ел руками и с большим аппетитом. Агата посмотрела на угощение. Колбаса блестела от жира и выглядела маняще.

Чтобы стать сильной, нужно хорошо есть, напомнила себе она и без промедления схватила колбасу. Оба ели с жадным утренним удовольствием, которое приходит к людям только после голодной ночи. Завтрак показался Агате куда вкуснее ужина, который проходил чинно, на фарфоровых тарелках, с ложками и вилками, которые только удлиняют путь к еде.

— Почему вы не едите в столовой?

Вагнер с удивлением взглянул на колбасу у себя в руке, как если бы Агата задала этот вопрос ей.

— А станет ли эта колбаса вкуснее в столовой?

— Думаю, что нет.

— Тогда к чему перемещать снедь из комнаты в комнату? Только зря силы тратить. Вот ты выглядишь бледной и обессиленной. Ты больна?

Агата прислушалась к себе:

— Нет.

— Это хорошо. Но наверняка твой чахлый вид связан с тем, что и в каких количествах ты ешь. Один мой товарищ из Швейцарии заверял, что одна и та же пища может служить как ядом, так и лекарством в зависимости от дозы и времени применения. По его словам, в человеке циркулируют три жидкости: соль, сера и ртуть. Если один из этих соков отделен от другого, возникает болезнь. Для излечения необходимо ввести вещество той же природы: горячую болезнь нельзя лечить холодным и наоборот... Запомнила?

— Нет.

— Понимаю. Мне тоже эта чертовщина никогда не давалась. Уж сколько раз мой учитель пытался вколотить в меня науку, но я сопротивлялся, как мог.

— Ваш учитель много знает?

— Знал. — Он сделал большой глоток пива. — Его это не спасло. Я своими глазами видел, как его мозг прилепился к потолку, точно сгнивший фрукт ко дну корзины. Мозг, который вмещал целую вселенную... Так что свой я стараюсь не забивать без надобности.

Агата поерзала на стуле. Она попыталась представить себе вселенную, но не сумела.

Кристоф Вагнер взглянул на нее с неожиданной строгостью:

— Так или иначе, выучить это все равно придется. Что ж, не будем тянуть. Сядем за книги сегодня же!

«Девочки не садятся за книги. Их удел — шитье и готовка». Едва эта мысль образовалась у Агаты в голове, как она поразилась, насколько та нелепа. Поэтому спросила лишь:

— Чему же я буду учиться?

Кристоф Вагнер широко улыбнулся и, поставив локти на стол, склонился к ней:

— Всему. А теперь идем!

Урсула привыкла подниматься с рассветом, но в эту ночь совсем заспалась. Она села в кровати и с удивлением обнаружила рядом с собой пустое место. Значит, Агата уже встала.

В утреннем свете еще ярче засверкала вчерашняя роскошь: позолота и серебро, резные шкафы из орешника и изящные складные стулья с маленькими шелковыми подушечками... Во всем этом сквозила равнодушная небрежность, как если бы хозяин обставил дом красивыми и модными вещами, но настоящего удовольствия от своего богатства так и не получил. На стульях не сидели. В шкафах пылились дорогие безделушки, которые никогда не доставали на свет.

Одевшись, Урсула спустилась вниз. На первом этаже было прохладнее, чем наверху. За дверью кухни слышались возня и тихие раздраженные голоса, будто там кого-то отчитывали. Урсула обрадовалась. Вчера ей показалось, что единственные живые люди в доме, кроме нее и Агаты, — это Вагнер и его молчаливый слуга.

Она тихо постучала. Открыли не сразу. Сначала в кухне воцарилась тишина, а затем дверь распахнулась, обдав Урсулу знакомым ароматом горячего хлеба. Кухаркой оказалась крепкая молодая женщина. Первое, что бросалось в глаза, — ее подозрительно опрятная одежда: белоснежный передник и чепец, ровнехонько завязанный корсаж и пышные рукава... Урсула на мгновение устыдилась своего вида и отругала себя за то, что вчера уснула, вместо того чтобы как следует позаботиться о своих вещах.

— Ранехонько ты, — заметила незнакомка, кивком приглашая Урсулу внутрь, — ну проходи. Не помню, чтобы

кто-то в этом доме поднимался в такой час. Хотя господин-то, конечно, еще не ложился.

Кухарку, как выяснилось, звали Берта, и она была из тех громкоголосых добродушных людей, которых так любила Урсула. Берта все время улыбалась, будто готова была прямо сейчас услышать что-то смешное или радостное. Она усадила Урсулу за стол и поставила перед ней хлеб, молоко и сыр.

— Простите, сперва я должна найти свою воспитанницу, — слабо сопротивлялась Урсула, хотя в животе так и урчало.

— Малая с господином в библиотеке, так что не беспокойся, — ответила Берта. — На перекус всегда найдется время.

Развалясь на стуле, она поведала гостье, что состоит в услужении у Вагнера почти десяток лет. Ауэрхан нанял ее совсем девчонкой, а родом она была из одной из многочисленных деревенок, разбросанных по Шварцвальду, что чирьи по заду епископа.

Первый год Берта помогала старой кухарке, которая держала в голове сотни рецептов, но воплотить их в жизнь уже не могла: руки тряслись и глаза подводили. Когда старуха скончалась, ее ученица стала тут всем заправлять. Не то чтобы это оказалось очень сложно. Гости в усадьбе бывали редко, а званые ужины — и того реже. Хозяин был в еде неприхотлив, мог целыми днями прожить на одном вине и сыре. Цветущий вид Берты красноречивее любых слов говорил, что здесь прислуге не приходится день-деньской из сил выбиваться.

Рядом с кухаркой Урсула тоже расслабилась. Похоже, она нашла подругу.

— А кто еще тут живет?

Она опасалась рассказов о суровой ключнице, которая за малейшую провинность из тебя всю душу выбьет. Но Берта лишь рукой махнула:

— Всего ничего для такого домины. Кроме господина с Ауэрханом и меня есть только конюх. Имей в виду, он еще до воскресенья попытается залезть тебе под юбку.

Шутка показалась Урсуле совсем не смешной, но она все равно посмеялась, чтобы угодить новой знакомой. А то, чего доброго, Берта решит, что она зануда, с которой и словом не перекинуться!

— А кто домом управляет?

— Мы и управляем. Ауэрхан, когда он здесь, или я, если они с господином в отъезде.

Урсула удивилась:

— Не многовато ли работы для одного человека?

Берта лукаво улыбнулась. Рубашка ее чуть съехала, оголив мягкое округлое плечо.

— Ауэрхан еще не на такое способен. Он у нас один в трех лицах: и камердинер, и управляющий...

После этих слов она так выразительно замолчала, что вообразить можно было все что угодно. Но Урсуле не хотелось домысливать.

— А третье?

— Придумай сама.

Урсула хотела признаться, что побаивается Ауэрхана, но промолчала. Непонятно, что скажет на это Берта: скорее всего, опять поднимет ее на смех. Вместо этого она принялась расспрашивать, есть ли в доме часовня и можно ли там уединиться для молитвы. Берта сказала, что часовня есть в западном крыле, но прямо сейчас закрыта — плесени много развелось, вот и решили подержать ее взаперти до весны. Молятся все в своих комнатах, а по воскресеньям ходят в церковь в деревню, если нет метели.

Поблагодарив за компанию, Урсула встала, чтобы пойти отыскать Агату. На прощание кухарка снабдила ее завтраком для малютки и фляжкой с вином «на случай, если ста-

нет тоскливо». Уже стоя в дверях, Урсула ощутила, как сжимаются пальцы Берты у нее на плече.

— Это славный дом, — шепнула та ей прямо в ухо. — Поверь мне, пташка, любой из тех вшивых жирдяев, от которых ты сбежала, убил бы собственную мать, чтобы прислуживать господину Вагнеру.

Едва переступив порог библиотеки, Агата поняла, что не хочет ее покидать. До того она думала, что только в монастырях бывает столько книг. Бесчисленные шкафы выстроились вдоль стен, как горшки на полке. У дальней стены вытянулся деревянный стол с двумя подсвечниками в форме птичьих лап. Рядом громоздился комод с множеством ящичков, где, вероятно, хранились письменные принадлежности.

У ее отца тоже были книги: пара романов, сборники рецептов, счетоводные тетради... Как-то раз он даже принес в дом сборник наставлений для юных девушек, но так и не удосужился его открыть. Он, в отличие от Эльзы, не рвался учить дочь читать, полагая, что умение печь хлеб пригодится в жизни гораздо больше. В Оффенбурге не было школы для девочек, а потому матушка сама собиралась ее обучать. Они намеревались пройти Катехизис, освоить арифметику и разучить гимны. Эльза уже начала знакомить Агату с алфавитом и даже утверждала, что у нее получается «сносно», а это в устах матери было редкой похвалой.

Кристоф Вагнер решительно направился к столу, болтая на ходу:

— Тут, Гвиннер, ты проведешь ближайший десяток лет. Будешь учить языки, историю и натурфилософию. Про-

читаешь о великих открытиях последних столетий, а когда станешь старше, совершишь свои собственные. Ну что, трясутся ли у тебя поджилки от таких перспектив?

Агата огляделась. Хоть она и знала почти все буквы, но еще плохо складывала их в слова, поэтому не могла понять, о чем могут поведать ей эти книги. Расскажут ли они, как устроен мир? Что прячется внутри человека? Из чего все состоит? А может, они откроют тайну, как сделать так, чтобы больше никто не посмел запереть тебя в холодном карцере? Она отодвинула тяжелый стул с высокой резной спинкой и забралась на него. Ноги не доставали до пола, но сидеть на подушечке было мягко и приятно.

— Не трясутся, — призналась она.

Перед ней лежал лист бумаги, исписанный так плотно, что между строчками даже линию не провести. Сломанное перо валялось рядом. Серебряная чернильница скалилась Агате уродливой рожей. Все эти мелкие предметы чудесным образом манили ее, завораживали, уговаривали прикоснуться к ним. Больше всего на свете, кроме запаха свежего хлеба, Агата любила скрип остро заточенного пера.

Кристоф придвинул стул и уселся рядом.

— Если выдюжишь — хотя куда тебе деваться? — я научу тебя настоящему колдовству. Но предупреждаю: на это потребуется много лет, море слез и куча усилий.

Господин Вагнер говорил о колдовстве как о чем-то совершенно обычном, словно этому мог научиться любой и не понести никакого наказания. Может, проверял ее?

— Колдуны попадают в ад, — заметила Агата. — Моя матушка была ведьмой. Вы думаете, что и я тоже?

Кристоф пренебрежительно фыркнул:

— Скажи-ка мне, милое дитя, что нужно для того, чтобы сделаться ведьмой? Уж это тебе должны были рассказать!

